

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ
КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В
КРЕДИТНО-ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ****ON SOME ISSUES OF CRIMES' DEFINITION
IN THE FINANCIAL SPHERE**

В статье исследуются проблемы квалификации преступлений в области потребительского рынка и кредитно-финансовой сфере. На основе изучения материалов опубликованной практики и доктринального исследования автор раскрывает содержание признаков составов преступлений, совершаемых с применением приемов манипулирования.

Ключевые слова: преступления в кредитно-финансовой сфере, мошенничество, преступное манипулирование, приемы манипулирования рынком, фальсификация.

This article takes a look at the problem of crimes in the sphere of consumer market and monetary sphere. Based on the study of materials published by practice and doctrinal studies, the author reveals the content of the signs of crimes committed with use of techniques of manipulation.

Keywords: financial crimes, fraud, tampering, manipulation techniques for market manipulation, falsification.

В судебной практике последних лет отмечается, что наряду с классическими приемами обмана и злоупотребления доверием при совершении преступлений в кредитно-финансовой сфере преступники применяют новые способы, не имевшие аналогов в прошлом. Помимо использования информационных технологий, обман и злоупотребление доверием основываются на наукоемких стратегиях скрытого психологического воздействия. Сообщения средств массовой информации также изобилуют примерами внедрения мошенниками и манипуляторами новых способов обмана, основанных на манипулятивных приемах направленного психологического воздействия. Всё большее число российских граждан вовлекаются мошенниками в сферу криминального бизнеса, становятся жертвами преступников.

Традиционно проблема мошенничества и манипулирования рынком, а также иных форм проявления преступного манипулирования рассматривается с профессиональных позиций в трудах по уголовному праву и криминологии.

¹ Старший преподаватель кафедры криминального права юридического факультета АНО ВО «Российский новый университет».

Психологические аспекты рассматриваемых общественно опасных деяний оказались менее изученными. Между тем, в теории уголовного права, в процессе доказывания и оценки основных доказательств, каковыми являются показания участвующих в деле лиц, для установления истины психологический анализ механизмов, методов и приемов манипулирования сознанием и поведением потерпевших является чрезвычайно теоретически и практически значимым [1, с. 36].

Манипуляция в широком толковании как вид психологического воздействия, направленного на неявное побуждение другого лица к совершению определенных действий, пронизывает практически все сферы взаимодействия людей, оставаясь в некоторых случаях социально приемлемой и даже одобряемой. Исследованию данного феномена посвящены работы в области философии, психологии, педагогики, политологии, социологии, истории.

Преступное манипулирование может применяться в целом ряде корыстных и насильственных преступлений. Среди корыстных преступлений, осуществляемых с использованием подобного воздействия на личность, выделяет-

ся мошенничество и манипулирование рынком. С особой остротой вопросы манипулирования как направленного психологического воздействия на потерпевших встали при расследовании и экспертной оценке деятельности финансовых пирамид. Большую озабоченность в этой связи вызывают факты применения психологических познаний при планировании и реализации преступного замысла, участие в ряде мошеннических действий профессиональных психологов.

В понятии «манипулирование» содержатся два ключевых термина, требующих уточнения. Первый из них имеет отношение к тому, что представляет собой манипулирование (манипуляция). Второй характеризует, что представляет собой манипуляция в уголовном праве.

Манипулирование – это воздействие на человеческую психику. Таким образом, манипулирование имеет психологическую природу. Следует заметить, что психологическое воздействие может быть обращено к разным сторонам человеческой психики: интеллекту, чувствам, эмоциям, переживаниям, в том числе недостаточно осознаваемым. Иначе говоря, манипулирование может воздействовать не только на сознание, но и на подсознание [2, с. 56].

Манипулирование осуществляется с целью управления индивидуальным, групповым или массовым поведением. С позиций системного подхода, манипулирование представляет собой деятельность управленческой системы, к структурным элементам (подсистемам) которой относятся субъект манипулирования, его объект, средства, время и среда манипулятивного воздействия. Управление при манипулировании нередко является рефлексивным, когда основания для принятия решения передаются одним субъектом другому [3, с. 48].

Манипулирование – это скрытое управление человеческим поведением. Скрытость управления обеспечивается средствами воздействия на человеческую психику, в качестве которого чаще всего выступает дезинформация. Другие средства, ставшие популярными в последние годы, – нейролингвистическое программирование (НЛП) и оккультные практики.

Уголовно-правовой смысл манипуляции оценивается по трем критериям: общественной опасности, виновности и противоправности. Все три критерия, бесспорно, налицо, когда действующий Уголовный кодекс Российской Федерации содержит нормы, предусматривающие уголовную ответственность за различные действия манипулятивного характера, среди которых: ст. 142 «Фальсификация избиратель-

ных документов, документов референдума»; ст. 142.1 «Фальсификация итогов голосования»; ст. 159 «Мошенничество»; ст. 159.1–159.6, нормы которых содержат признаки иных видов мошенничества; ст. 165. «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием»; ст. 170.1. «Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета»; ст. 172.1. «Фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации»; ст. 185.3. «Манипулирование рынком»; ст. 185.5. «Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества»; ст. 197. «Фиктивное банкротство»; ст. 303. «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности» и др.

Сложнее обстоит дело с теми ситуациями, когда уголовная ответственность за определенные деяния отсутствует, хотя она может (или даже должна) быть установлена.

Критерием противоправности уголовно-правового манипулирования выступают международно-правовые стандарты в области прав человека. Общественно опасным манипулирование становится, когда оно посягает на права других людей и причиняет им вред либо содержит угрозу причинения такого вреда.

Манипулирование создает угрозу информационной безопасности населения. Такие действия угрожают экономической безопасности граждан, что выражается в широком распространении обмана в предпринимательской деятельности, в развитии инфраструктуры, производящей и реализующей фальсифицированные товары потребления и т.д.

Манипулирование нередко посягает на религиозную безопасность личности и общества, что происходит при вовлечении людей в тоталитарные секты, где их превращают в послушные орудия лидера религиозного объединения [4, с. 224].

Манипулирование угрожает конституционным основам государства, когда результаты выборов фальсифицируются.

Критерием виновности манипулирования является осознание манипулятором общественной опасности совершаемых действий, предвидение общественно опасных последствий своих действий и желание (или сознательное допущение) наступления таких последствий.

С учетом сказанного можно предложить следующее определение уголовно-правового мани-

пулирования: «Манипулирование – это общественно опасное, противоправное, виновное сокрытое воздействие на человеческую психику с целью управления индивидуальным, групповым или массовым поведением, причиняющее вред правам и законным интересам людей, угрожающее безопасности личности, общества и государства» [5, с. 163].

Уголовно-правовые манипуляции сыграли заметную роль в проникновении организованной преступности в экономическую деятельность. В этом плане следует обратить внимание на то, что преступные организации в массовом порядке легально заявили о себе при организации мошеннических азартных игр и обмане в сфере торговли [15; 16; 17; 20].

Выделяются две сферы экономики, где наиболее активно и последовательно осуществляются общественно-опасные манипуляции: потребительский рынок и кредитно-финансовая сфера [18; 19].

В первой группе наиболее часто проявляемые в практике борьбы с преступностью манипуляции, квалифицируемые как мошенничество (ст. 159, 159.1–159.6 УК РФ) и причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ).

Обоснованность этих выводов получает аргументацию в динамике соотношений количества зарегистрированных за каждый год преступлений к числу выявленных за их совершение преступников – индексов уголовно-правового манипулирования в экономической сфере. Индексы указывают на преобладание числа регистрируемых преступлений по отношению к количеству выявленных преступников, но когда их значения становятся кратными, это свидетельствует о том, что борьба с определенным видом преступлений во многом имитируется [6, с. 129].

С точки зрения механизма воздействия, уголовно-правовое манипулирование может быть простым (элементарным), сложным (квалифицированным) и очень сложным (особо квалифицированным).

Особо квалифицированные общественно-опасные манипуляции состоят в скрытом комплексном воздействии на психику человека. Достигается это использованием системы различных приемов, связанных с воздействием на подсознание человека.

Процессы криминализации – декриминализации уголовно-правового манипулирования в сфере экономической деятельности во второй половине XX столетия имели в целом объективный характер. В дальнейшем эти процессы

стали более противоречивыми и недостаточно обоснованными. Это относится к упразднению повышенной уголовной ответственности за неоднократное совершение преступлений и специальный рецидив, отказу от такого вида наказания, как конфискация имущества (в настоящее время в действующем УК РФ конфискация имущества отнесена к иным мерам уголовно-правового характера) [7, с. 28].

Неоднократность как квалифицирующий признак устранен из ч. 2 ст. ст. 159 и ст. 174, но оставлен в ч. 2 ст. 180 УК РФ «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)». С одной стороны, такое решение законодателя противоречит тому, что ст. 16 «Неоднократность преступлений» Общей части УК признана утратившей силу, с другой – неясно, почему данный квалифицирующий признак, если это невнимательность законодателя, до сих пор не изъят из ч. 2 ст. 180 УК. Рациональное объяснение этому противоречию может быть одно: законодатель проявил очевидную небрежность, но уклоняется от признания собственной ошибки, что выдает сложившийся стиль поверхностного отношения к внесению изменений в уголовное законодательство.

Уголовно-правовая наука в течение многих лет убедительно обосновывала общественную опасность рецидива преступлений. Доказана особая опасность специального рецидива, при котором преступники проявляют приобретаемые годами профессиональные навыки совершения преступлений. Полученные научные данные без всяких обоснований проигнорированы законодателем. Как отягчающее ответственность обстоятельство специальный рецидив устранен из ч. 3 ст. 159 «Мошенничество» (ст. 159.1–159.6 также не содержат данного признака рецидива), из ч. 2 ст. 186 «Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг». Особенно поразительно последнее обстоятельство: ведь «успех» фальшивомонетничества всегда определялся искусностью лица, подделывавшего деньги или ценные бумаги [8, с. 17].

Противоречивость уголовно-правовой политики законодателя в рассматриваемом направлении объясняется отсутствием четкой концепции противодействия экономической преступности. В связи с данной позицией, экономическая преступность проявляется в различных сферах: социальной [11], политической и др.

Непоследовательность законодателя при оценке общественной опасности различных видов уголовно-правового манипулирования указывает на то, что он не располагает достаточно

полной и достоверной информацией о распространенности определенных общественно-опасных деяний в сфере экономической деятельности, ущербе, который они причиняют безопасности личности, общества и государства [9, с. 76; 10; 12; 14]. В результате отдельные виды уголовно-правового манипулирования не получают адекватной оценки в законодательстве, а значит, не становятся объектом предупредительного воздействия [13].

Материалы опубликованной практики и доктринального исследования позволяют сделать вывод, что противоречивость уголовно-правовой политики законодателя в рассматриваемом направлении объясняется отсутствием четкой концепции противодействия экономической преступности.

Литература

1. Доценко Е.Л. Психология манипуляции. – М., 2013. – С. 36.
2. Есипов В.М. Криминализация экономических отношений в России. – М., 2001. – С. 56.
3. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М., 2012. – С. 48.
4. Жалинский А.Э. Преступления в сфере экономической деятельности // Уголовное право России : учебник для вузов : в 2 т. / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – М., 2009. – Т. 2. Особенная часть. – С. 224.
5. Федоров А.Ю. Понятие криминального манипулирования // Социальные конфликты в правовом контексте : сб. науч. тр. аспирантов и соискателей. – Омск : Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2005. – С. 163.
6. Пронников А.В., Федоров А.Ю. Криминальное манипулирование в финансово-кредитной сфере // Социальные конфликты в правовом контексте : сб. науч. тр. аспирантов и соискателей. – Омск : Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2005. – С. 129.
7. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания. – Саратов, 2007. – С. 28.
8. Завидов Б.Д., Коротков А.П., Слюсаренко М.И. Уголовно-правовой анализ мошенничества, присвоения или растраты и присвоения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием // Адвокат. – 2002. – № 6. – С. 17.
9. Джинджолия Р.С. Роль и значение судебных правовых позиций (усмотрений) в уголовном праве (на примере разъяснений Верховного суда РФ) // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2012. – № 4. – С. 76.
10. О роли и значении разъяснений Верховного суда РФ в правоприменительной практике // Джинджолия Р.С., Сысоев Ю.В. // Вестник Российского нового университета. – 2010. – № 4. – С. 11–13.
11. Создание института досудебного урегулирования споров в фонде социального страхования / Кашкин С.Ю., Субочев В.В., Кручинина Н.В., Ситдикова Л.Б., Джинджолия Р.С., Морозова Н.С., Регент Т. – М., Морозов М.А., Помазкова С.И., Коновалова Е.А., Криеренко А.В., Агаркова А.Н., Кожанов Т.А., Зернова Н.С., Орлов Д.А. Отчет о НИР № 375 от 07.10.2016 (Фонд социального страхования Российской Федерации)
12. Коновалов Н.Н. Сексуальные преступления: исторический, антропологический и этнографический аспекты : монография. – М., 2016.
13. Джинджолия Р.С. Уголовное право Абхазии (Апсны). Общая часть. Преступление : учебное пособие / Р.С. Джинджолия, А.Ж. Аджинджал; Российский новый ун-т, юридический фак., каф. уголовно-правовых дисциплин. – М. : Спутник+, 2010. – (Серия «Зарубежное уголовное право».)
14. Джинджолия Р.С. Оценочные понятия в составах преступлений против личности (человека) : монография. – М., 2012.
15. Карасева М.В. Правовое регулирование маркетинговой деятельности // Маркетинг в России и за рубежом. – М., 1999. – № 1. – С. 24–28.
16. Карасева М.В. Правовое регулирование маркетинговой деятельности. – М., 2000.
17. Недобежкин С.В., Карасева М.В., Безбах В.В., Ведута Е.Н., Видяпин В.И., Вырлан Ю.В., Григорьев М.Ю., Гришина О.А., Гурев В.И., Данько Т.П., Двуреченских В.А., Добрякова Н.И., Нагорный И.А., Помазкова С.И., Салимов А.А., Серегин В.П., Ткачева Н.А., Улимаева Э.Х., Чегринцев Е.А. Экономика права. – М., 2009.
18. Карасева М.В. Историческое развитие отдельных корпоративных организаций в России // Маркетинг. – 2000. – № 3. – С. 83–85.
19. Карасева М.В. Формирование общественных потребностей и интересов в звене «промышленность – торговля» : автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 1991.
20. Карасева М.В. // Стратегия рыночной конкуренции. – М., 1993.